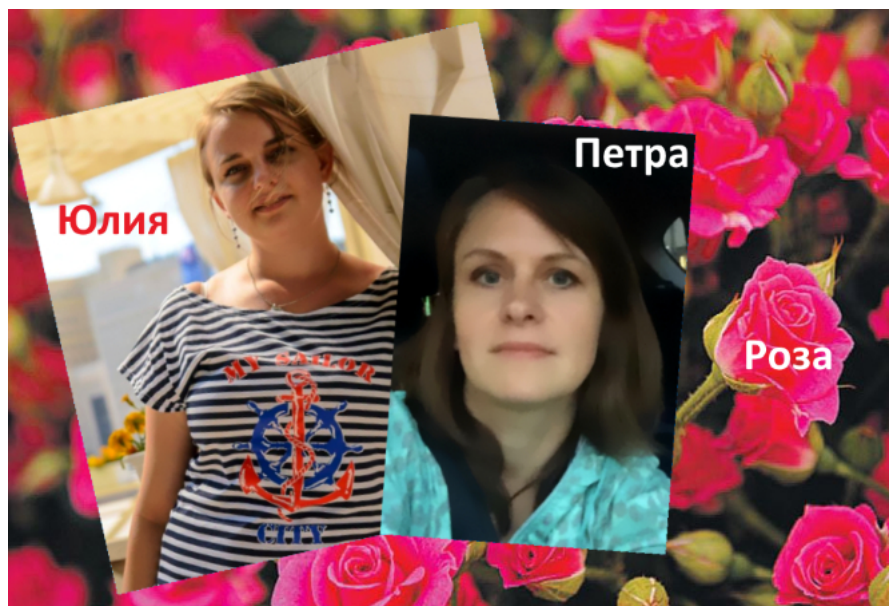

Литературные обозреватели портала на "Кубке Мира по русской поэзии - 2020" Петра (Татьяна) Калугина (П.К.) и Юлия Малыгина (Ю.М.) о конкурсных произведениях с 1 по 20.

Встреча первая

О конкурсных произведениях с 1 по 20

ЮМ:

Москвич увидел в японском ролике свою жену ...

Добрался я до тебя, наконец, любезный homo sapiens. Дмитрий Борисов о книге Жижека ...

Мясников назвал самые опасные народные средства ...

Почему вместо «Яндекс.Денег» теперь «ЮMoney» и кто выбрал новое название — интервью ...

Увы, это не воплощённый кошмар, а моя нынешняя лента новостей в браузере телефона, ну та, которая отображается на первом экране пустой вкладки. Вкладки, ещё не знающей, что спрошу. Окей, Алиса, что делать дальше?

Первая двадцатка всё, потом вторая, третья, четвёртая, день ото дня, неделя к неделе. Будет прочитано, как и прежде, очень много стихотворений. На этом самом телефоне. Но попадётся ровно одно, которое вынудит описать секс ли, ещё ли что — всё, неделя к

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

неделе браузер будет подсовывать новости вроде той, что сегодня встретила первая. И все колодцы, лазоревые зори и прочая смородина утонут в колодце информационного туннеля.

Потому что не придумали пока острых кликабельных заголовков про смородину, и значит мне их никогда не покажут, а вот про сиськи есть и упаси меня ... а впрочем уже оскоромилась. И открой я двадцать раз ссылку про Жижека, мне всё равно завтра прилетит уже две новости, а где две — там и три, и будут они не про Гегеля в подключённом мозге.

Про Гегеля в подключённом мозге? Да, «текст книги Славоя Жижека, которая выходит одновременно по-английски и по-русски летом 2020 года, вращается вокруг двух точек притяжения, Гегеля и Сингулярности ...» — дальше уже не буду перепечатывать с обложки, а впрочем — «... помимо Гегеля на помощь Жижеку приходят Жак Лакан, биокосмисты, Андрей Платонов с его тоской ...»

Взглядом неисправимого оптимиста смотрю на эту красную книгу и вижу, что пространство сшивается, ведь книга одного из остроумнейших интеллектуалов современности выходит одновременно на двух языках: на русском и на английском. Очень надеюсь, что и вы сможете встретить вместе со мной в этой двадцатке, да и в последующих, стихи, направленные на созидание, а не разрушение. И пусть потом какие угодно заголовки показывают.

ПК:

Первая двадцатка прочитана, осмыслена, и обзор по ней уже написан. Поэтому мое вступительное слово, по факту, будет заключительным. И коротким. Пожалуй, просто пожелаю всем приятного чтения, ну или как минимум небесполезного.

А я пока пошла читать дальше, двадцатку номер два.

Увидимся!

[Конкурсное произведение 1. "Наискосок"](#)

ЮМ:

Самое первое стихотворение Кубка инерционно развивается, болтает и болтает, тут тебе все сферы и все пласты, ещё чуть-чуть и «что вижу, то пою», я же думаю: «вот ведь, не боится же!»

У бесстрашия есть две причины: смелость после больших переживаний, когда мы знаем, чем закончится фильм, и всё равно смотрим; когда сто раз смотрели фильмы про маньяков и всё равно заходим в лифт; да даже когда с нами что-то происходило ужасное, но мы всё равно ещё раз идём этим путём; вторая причина — отсутствие переживаний, фильмы не смотрели, ничего не знаем и идём бесстрашно исследовать

мир.

Но видим ли мы здесь следы наивного бесстрашия? Может сам текст боится, что его обвинят в наивном бесстрашии и потому в почти случайном порядке листает мир? Текст-гиперссылка — это современно, но тогда очень жмёт форма захлёбывающегося лирического высказывания, почти исповеди. Очень напомнило мне есенинское «Вы помните, Вы всё конечно помните», а потом добавилось ощущение, что это стихотворение звучит голосом Нади Делаланд. Вот здесь «А век из буден выбивает дзен.» эти приятные ощущения закончились, а финальное «земной отмацан срок» прозвучало слишком кокетливо.

Может на то и расчёт.

На восьмой раз показалось, что этот текст адресован лично мне и уже хочется его реабилитировать, рассказать о лирике в эпоху трансгуманизма, лирике во время апокалипсиса.

Так долго говорила об этом тексте, успела и поругаться с ним, и подружиться, и пожурить, и похвалить — пусть будет ему мой малый восторг за это и за бесстрашие, конечно же.

Малый восторг — !

ПК:

Всё неслучайно и не зря. Вот и конкурс неслучайно открывается этим текстом, перемудрёно эклектичным и плотно аллюзивным, вызывающим двойное впечатление уверенной и лёгкой руки — с одной стороны, и какой-то досадной стилистической расхлябанности — с другой.

Текст как бы анонсирует: вот что будет, броско, пёстро, неровно, разноуровнево и скачкообразно (даже внутри одного стихотворения, не говоря уже о разных), со взмывами и провалами, с приводящими в замешательство вкраплениями и повергающим в ступор соседством слов.

А что, почему бы и нет? А разве не так всё и должно быть — в ультра-современном, постироничном стихотворении, особый шик и лоск которого в том и заключается — распотрошить весь шик-лоск «гладкописи», сделать так, чтобы пух летал и пружины торчали во все стороны?

Тут, в этом стихотворении, много всего намешано. Тут вам и дзен, и феня, и девочка пела в церковном хоре, и еще одна девочка — великанша из «Гулливера», которая тоже как бы блоковская девочка, потому что плачет-поёт «о всех ушедших». Читателю предлагается самому найти ту ось, вокруг которой всё это вертелось бы, обрастая смыслом; самому как-то увязать в своем восприятии жутковато-метафизических «тех, наискосок» с уголовными жаргонизмами, с «покоцан и отмацан», с курами-пеструшками

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

и загадочным галочьим песком.

У меня — не получилось запустить это вращение разрозненных элементов и увидеть, как стройная система возникает из хаоса. Но, может быть, это увидит кто-то другой.

Я же пока вижу одну замечательную половинку строфы, один чудесный образ, ускользающий от чёткой визуализации и отсылающий к чему-то такому неоформленно-прекрасному, вроде воннегутовской «кошачьей колыбели», чего и не надо окончательно понимать:

*Всё шире свет, рассеянной, нежней
Качает в зыбке выводок теней.*

При всей размычатости и недосказанности, это — лучше пеструшки-плимутрока и поцаного луча, вот правда...

[Конкурсное произведение 2. "С музой"](#)

ПК:

Развлекательно-увеселительный стих, построенный на довольно незатейливом каламбуре — на созвучии слов «муха» и «муза» и на омонимии слова «брак». А еще где-то между строк затерялся один скромный, но по-настоящему здоровский каламбурчик: «Художник от слова чудо». Чудожник — напрашивается подставить букву.

Такие игровые, игривые тексты очень хороши в поэзии для детей. Здесь, правда, совсем не детская тематика — «под мухой»... Вот если бы побольше такого, как «чудожник», то было бы в самый раз!

По поводу последней строфы, хотелось бы уточнить у автора: как он умудрился целого Пегаса в танк затащить?

ЮМ:

Милое стихотворение, приятненькое, каламбурное, что добавить к сказанному Таней? Наверное, нечего, всё так и есть — каламбур, вряд ли нацеленный на глубину чувств.

[Конкурсное произведение 3. "Плехов"](#)

ЮМ:

Это очень трагичное стихотворение (именно, что не трагическое), где главная трагедия героя — в осознании своей силы, сожаление о ней. «Зачем я его тогда победил?».

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

Мне не нравится, как написано стихотворение, но мне нравится то, что лежит в его основании — вот эта рефлексия о силе. И скромно думается мне, что увлечение описанием турнира можно прикрыть ладошкой, особенно строку, в которой я каждый раз запутываюсь: «сто раз: вот так мат!.. так! и так!..» потому что по объёму само событие забирает на себя большую часть внимания, но это обманчивое событие, два основных происходят дальше и не выдвигаются никак, хотя ладно, финальное событие находится в самой последней строке и поэтому мне и не нравится, что это написано так, как написано.

Не сложилось у меня с этой формой, а сама суть — да, это интересно. Точку ли взять другую, субъекта ли чуть-чуть изменить — не знаю, но сходу увидеть трагедию трудно, особенно за неуёмной иронией.

Сила этого текста в его драматургии и слабость этого текста в том же самом — увлечённости драматургией в ущерб увлечённости языком.

ПК:

Сдается мне, у предыдущего текста и у этого один автор. Там он веселил каламбурами, здесь — траванул байку. Почти анекдот, но с «грустно-философским» концом. Фабула изложена бойким слогом эстрадного куплета. Возможно, в этом виде текст мог бы успешно существовать.

[Конкурсное произведение 4. "Опятам"](#)

ПК:

Грибы, грибницы, мох и плесень, труха, останки, перегной... Есть какая-то особая прелесть в поэтических описаниях «хтони» — в данном случае, лесной. Хтонический дискурс тесно примыкает к мортальному, переплетается с ним, захватывая еще и нижний ярус фауны (всех этих жучков, мокриц, червей и многоножек, на материале которых получают такие благодатно-выразительные, «сытные» стихи о преходящности всего земного, о тлене и тщете).

Но сделать так, чтобы этот достаточно косный «материал» заработал, закопошился, зажил в стихе — задача не из простых. Хотя бы потому, что слишком многие высококлассные мастера уже успели его освоить, этот материал, и запустить в поэзию. И тебя поневоле будут сравнивать с ними, как ни крути.

И в данном случае сравнение будет не в пользу автора. Начиная с первой же строфы, где так лобово, неизящно возникает слово «труп». Хочется попенять автору: разве ж можно так о смерти? Изначально выбрав себе такой роскошный (для стихов о смерти) материал — зачем портить его дурацким «трупом»?

В предпоследней строфе мне слышались интонации Александра Спарбера, но,

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

дочитав текст до конца, я подумала, что это однозначно не он. Не стал бы А.Спарбер собирать грибы в банку!

К тому же здесь явное логическое противоречие:

«я продлеваю вашу жизнь (говорит автор, обращаясь к срезанным, то бишь «умерщвлённым» опятам) хотя бы так. Хотя бы в банке».

Банка с трупами опят на «продлённую жизнь» никак не тянет.

ЮМ:

Когда читала этот текст в первый раз вспомнила не столько стихи Александра Спарбера, сколько фотографию у него в FB, там ещё кто-то шутил про «полное собрание Спарбера»)

Теперь перейду к стихотворению, которое Татьяна уже так здорово и подробно отрецензировала.

Да, это большая традиция — развивая вроде бы прозаический сюжет, говорить о вечном, при этом безусловно поэтически говорить. Но эта форма — настолько проторённый путь, что необходимо недюжинное усилие, чтобы получилось.

Если прикрыть листочком последнюю строфу, буду солидарна с Таней в том, что финал неудачен, то получится очень горькое стихотворение. А если бы ещё из него ... а впрочем — это готовый результат действия традиции, с которой уже не получится взаимодействовать по привычке, нужны усилия. И авторские, и читательские.

[Конкурсное произведение 5. "Неспящий"](#)

ЮМ:

Всё нравится в этом тексте, и даже нагло поименованные в лоб «хаос» и «энтропия» не возмущают, потому что с самого первого предложения я понимаю, что имею дело с авторской позицией, даже не так, я имею дело с позицией поэта и его взглядом на мир.

Этот текст переполнен иронией, точнее самоиронией, где проявлена самоирония как форма рефлексии, а не просто я сам себе ха-ха.

Это стихотворение написанное сейчас, здесь оно и предлагает путь. При этом не только драматургия затягивает, не только превращение слова в образ, а образа в образ, но и прекрасные языковые находки, вроде глагола «куёвдятся», который хочется сразу подхватывать, что моя прекрасная собеседница и сделала в своём комментарии к нулевому обзору. Один мой знакомый называет такие находки персональными глаголами текста.

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

Стихотворение начинается с драмы не названной, не поименованной, но предъявленной: разрушение ритмического ожидания.

*Ты погрузи, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низший мир червей.*

[У. Шекспир в пер. С.Я. Маршака «Сонет 71»]

Пятистопный ямб во второй строке разрушается авторской волей с помощью читателя, ведь мы знаем, где на самом деле стоит ударение в финальном слове. И начинается прекрасное говорение, осознавшее, что только что сделало, поэтому и «ветки роз изящны, хищны, как богомолы».

Все события на месте, место действия — сейчас и за это я люблю этот текст.

И ещё. Сразу вспоминается «Под токованье птицам отдан сад» Майи Шварцман.

Восторг-восторг — !!!

ПК:

Первая строчка поддразнила обманчивым намёком на силлабо-тонику — подмигнула, вильнула ямбом, и была такова, уступив место узнаваемому голосу верлибриста. Но хотя бы на протяжении этой одной строки (что уже много!) он мог оставаться неузнанным. Принцем-инкогнито. Так автор немножечко с читателем «поиграл». А дальше всё пошло всерьёз, развернулась знакомая уже — привычному уху — симфония погружения в чувство, в безоглядное, упоённо-иступлённое, на грани с надрывным, проживание всего-всего: всего, до чего можешь дотянуться зрением, слухом, осязанием, нюхом, вкусом и сердцем.

Автор, как всегда и везде, последователен в своем служении «невыносимой красоте». И я восхищаюсь следом за ним — белками, бликами, богомолами роз, сутенёром-сорокой, пьяницами груш, женой со смартфоном... Но больше всего в этот раз меня впечатлили клёны.

*и тесное, густое движение листьев внутри клена -
куёвдятся темно-зеленые
треугольные рыбы в аквариуме переполненном:
человечество листьев в разрезе.
и повсюду разлита невинность,
хотя здесь ежесекундно кто-то пожирает кого-то.*

Какая-то тревога, напряжение присутствует в этой тесной сближенности элементов бытия (листьев). Мягкие, нежные листья «куёвдятся» в кисельно плотном и густом

«сбитне бытия».

Это даже не листья клёна, это листья внутри клёна. Клён, набитый листьями, как аквариум — рыбами.

Куёвдаться — по-белорусски (и наверняка по-украински) — значит вертеться, переплетаться, тасоваться-музиться. «Ветер вскуёвдил волосы». «Дети, хватит куёвдаться на печи!» Этот глагол памятен мне по моему собственному деревенскому детству, и потому, наверное, он распахнул мне какую-то «персональную», как выразилась Юля, перспективу восприятия.

Здесь тревожно, ветрено и опасно («ежесекундно кто-то пожирает кого-то»). Но как же здесь волнительно хорошо!

Автор, как этот клён, полон таких находок — внезапно значимых для читателя. Универсально-персональных и уникально-персональных. В том его и сила.

Юля раздаёт «восторги», а я буду розы раздавать. Розы Балтии.
Три розы от меня этому прекрасному тексту!

[Конкурсное произведение 6. "Отразись"](#)

ПК:

Что нравится в этом стихотворении, так это музыкальность, округлость смыслов. Некая целостность, явленная во всем — начиная от звука до образа. Да, образы размыто-пастельны, лишены конкретики, символичны... Но вот читаешь такой текст — и вспоминаешь, что у поэзии изначально была еще и эта функция, ритуально-магическая, «заклинательная». Что поэзия — это еще и действие, называние слов, особым образом организованное; перед нами проходят друг за другом поименованные Синева, Ночь, Тоска, Покой, Счастье и Боль на Ладье золотой... замыкаются в некий круг силы, круг стихотворения, и — что-то происходит. Или не происходит.

Для современного искушённого читателя «происходит», конечно, в меньшей степени. Но — какие-то отзвуки всё же улавливаются, какой-то навык любить э т у (растущёванно-кисейную) сторону поэзии всё-таки сохранился.

ЮМ:

Люблю взаимодействие огня и воды. Очень люблю доверительные интонации. Очень-очень люблю стихи, взаимодействующие с миром.

А не люблю назывные строки, из разряда «покой / может быть в этот раз он успеет помочь» — чему же должен помочь покой? Если следом пошла речь о возвращении света, то самое страшное событие — исчезновение света — осталось за пределами текста. Да, на это страшно смотреть и об этом страшно (наверное) говорить. Поэтому и появляется привнесённое внешней логикой весло.

Если я всё верно поняла, то речь о немоте, с традиционной для этих стихов водой и отплытием от берега. Ритмически звучит сильно и это заявка на сильную речь, но из-за отсутствия сильного события не могу полюбить этот текст.

[Конкурсное произведение 8. "Без названия"](#)

ПК:

Интеллектуальная, в хорошем смысле, поэзия. Ладный, техничный лаконизм, скупая выверенность формулировок — и несколько манерная томность стиля. При первом прочтении я, грешным делом, подумала, что густой глинтвейной тени Рембрандта боится сам Блудный Сын. То есть пока еще не воплощённая идея картины, ее будущий центральный персонаж. Его еще нет, а он уже боится надвигающейся на холст тени своего создателя. Такое прочтение возникло из-за синтаксиса строфы, из-за этого неоднозначного двоеточия («Рембрандта я боюсь, его глинтвейной тени: бормочет Блудный Сын»). А Веласкеса боится его автопортрет в белом жабо. А Рублева — стрельцы... которых когда-нибудь нарисует Суриков. Вот так всё сложно. Но ведь интеллектуальная поэзия же!

Дарю тексту розу. Одну, но крупную, цвета тёмного бордо, на длинной шипастой ноге.

ЮМ:

Ох, а на меня текст не произвёл впечатления. Я поняла, что композиция выстроена вокруг некоего «я», для которого мир того или иного художника чем-то является, это такая иерархия собственного сочинения.

Но кто сам субъект? Есть «я» и есть «меня», остальное видимо о субъекте сообщает иерархия художников. Боюсь, я не так умна, чтобы расшифровать его характер.

[Конкурсное произведение 9. "Я живу к богу"](#)

ЮМ:

А можно я не поверю этому тексту? Из-за того количества вопросов, которые у меня есть к субъекту, который ведёт речь, и ответы на которые находятся за рамками и текста, и других известных мне как читателю текстов.

*Да ведь так и создаются субъекты! — возразят мне читатели портала.
Ну и может быть, — пожму плечами я.*

Может быть Татьяна развернёт разговор иначе, ещё не знаю, что она скажет.

ПК:

А Татьяне как раз очень понравился этот текст. Близок его посыл. Для меня тут кроется тонкий (в смысле — деликатно обозначенный) компромисс между христианской потребностью в Боге и не-христианской потребностью в нем же. Не-христианской и вообще не имеющей отношения к религии, к любой. Но — потребность. Тут, конечно, можно углубиться к истокам этой потребности, к богоискательствам атеиста (агностика?), но, боюсь, тогда это будет разговор уже не о стихах.

Две розы тексту.

[Конкурсное произведение 10. "Фреска"](#)

ПК:

Автор словно пасхальное яичко расписал лёгкой и сноровистой кисточкой. И получился лёгкий и светлый такой лубок, с нестрашным драчливым Адом, нестрашными мертвецами в лодках-гробах, нестрашным скоморошье-праздничным Апокалипсисом («дудели и плясали»). И с нестрашными ангелами-трубачами, которые в конце, в последней строфе, сливаются в поцелуе с трубачами нарисованными, еще не успевшими высохнуть на фреске.

Вот эти ангелы-архангелы, трубачи-провозвестники в стихе — самое загадочное. Совершенно неожиданно выясняется, что речь ведется от их лица. До этого я лично думала, что речь идет от «нас» — очнувшихся во гробах по зову трубы; о людях. И всё вроде бы на это указывало. Но в последней строфе «мы кладем на землю трубы» считается однозначно: мы = ангелы. Этот перескок меня озадачил. Я так и не поняла, что бы это значило и в каком ключе это следует трактовать.

А вообще стоит отметить, что жанр песенки-бормоталки, дуделки-бубнилки на просторах поэтической Балтии цветет, кустится и уверенно плодоносит. В нем написано много действительно очень ярких, эффектных текстов, текстов-победителей. Ему прощается всё — даже глагольные рифмы. Интересно, в чем секрет его обаяния и такого бешеного успеха?

Этот текст тоже отмечу розой.

ЮМ:

Таня, твоё прочтение натолкнуло меня на вот какую ассоциацию — у Ивана Дорна и Vakula есть песенка «Опомнись», где в самом конце осуществляется сумасшедший переход от пространства песни к пространству мастерской, Дорн вдруг говорит что-то вроде: «ой, чувак подожди, сейчас не то должно быть, сейчас должно быть опомнись, чувак поставь опомнись». И этот коротенький диалог, разрывающий пространство пения, на самом деле придаёт этой в общем-то незатейливой песенке глубину и думаешь: «ну, вау же».

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

Наверное, задумывалось, что в самом конце с помощью поэтического события, состоящего в резкой смене субъектов, случится лирическое напряжение и «ну, вау же». Но у меня не получилось такое испытать, может у кого-то другого получится.

P.S.

«Он по лесенке взберётся» — это сообщение аду антропоморфных черт, и дальше как будто ад действует, а на самом деле, как я понимаю, иконописец, наверное это как раз и придаёт лубочные черты, которые так метко и вовремя подметила Петра.

Вспомнилась история про то, что ангелы перестали быть тем, чем являются — страшными созданиями и стали виньеточными украшениями, благодаря живописцам. А на нашей почве они будто зависли — и не устрашают и не украшают, это как раз произведение с успехом демонстрирует.

[Конкурсное произведение 11. "Никола"](#)

ЮМ:

Начав читать этот текст, почти воскликнула: «Боже, как это прекрасно», но где-то возле «печали» радость моя начала никнуть.

Пока совсем не сошла на нет. И если на такое эстетическое воздействие рассчитывал автор, то моё «окей», а если нет, то моё «сорян». Такое вот лаконичное замечание)

ПК:

Да, тут мы с Юлей совпадаем. С первых строк возникает некое необъяснимо высокое ожидание, которое очень быстро сходит на нет. Меня больше удивляет, откуда этот восторг и «ожидание чуда» от первых трех строк, что в них такого? Банальнейшая рифма небо/ нелепо, каламбур Никола — ни кола... И всё-таки, что-то в них есть. А дальше уже идет сплошная голубая грусть, и сделавший стойку читатель потихоньку расслабляется, позёвывает в кулак.

[Конкурсное произведение 12. "Нигде"](#)

ПК:

Уже не лирика, ещё не нарратив. Со стихами от третьего лица всегда так. Вместо лирического «я» или хотя бы «ты» появляется наблюдаемый со стороны «он», и автор начинает его описывать. Предъявляет читателю: вот это Иван Петрович, он такой и такой, носит пиджак и кепку, ест докторскую колбасу. Иногда это оправданно и уместно, а иногда сообщает поэтическому тексту пресноватую прозаичность.

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

Здесь — что я чувствую по прочтении стиха? Чувствую, что мне рассказали о «бомже», который живет в подвале, исповедует буддизм, питается колбасой и, возможно, изредка под настроение напевает «Миражи» Аллегровой, шлягер из 90-х.

И ещё чувствую, что выражение «бомже мой» — это как минимум забавно, прикольно, без этого горьковатого жизненного каламбурчика здесь было бы совсем «прозаично». (Настаиваю, именно прозаично, несмотря на звёздную капель, дождевые слова в ладонях, миражи и прочие поэские поэтизмы).

ЮМ:

Сейчас буду сетовать и злиться, потому что текст, который готова была уже было полюбить, даже вместе с докторской колбасой, вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов и вместо того, чтобы пойти ввысь, пошёл на авось.

Пока признаков аллергии на сентиментальные тексты не наблюдаю, но ещё несколько раз и «повторится всё, как встарь».

Его, этого человека, о котором речь, уже называли повыше же — «Нигде» — это имя, как ни крути. И то, что таким страшным именем так просто был назван человек, пропущено мимо, а ведь именно это и есть самое страшное событие текста, и читательское внимание предлагают сконцентрировать на том, что этот человек когда-то жил другой жизнью, как водится, с дочкой и женой, и там слова ещё стучатся в ладони дождём. Ну зачем так-то? Ну зачехушки?

Только что одним словом человеку была сообщена бесприютность, должен был пойти заход на невероятное, на то, что ещё никогда и никем не было сказано и — бац! — текст садится на инерцию жалостливого сюжета.

Очень обидно и очень увы.

[Конкурсное произведение 14. "Четыре" \(Молитва за дурака\)](#)

ПК:

Нарочито простодушная, «потешная» рефлексия на предмет — говорить ли дураку, что он дурак? Исполненная на манер «Вредных советов» Остера. Начинается всё с «открыто в морду», заканчивается благостным всепрощением. А между ними, между этими двумя крайностями, автор ищет, сомневается, примеряет так и этак, что ж с ним делать, с дураком? Скрыть, что он дурак, или поставить ему на вид? А может, не такой уж он и дурак? А может, все вокруг дураки?

Автор довольно искусственно (и смешно, с курьёзно благостным выражением лица) приходит к выводу, что дурака нужно простить, «как Отче несмышлёных чад прощает», охранить и упасты.

Вольно или невольно, но автор — упс! — поддаётся греху гордыни прямо вот здесь, в этом месте. Сопоставляет себя с богом, отпускает грехи...

ЮМ:

Согласна с коллегой. Да, дурачок — очень современный герой, ведь часто дурак — это юродивый, и может именно так, однажды, через юродивого к нам вернётся Бог. Вера — не как острое переживание каждого по отдельности, но как функция, которая удерживает этот хрупкий мир от катастрофы.

Но катастрофа уже случилась, все башни пали, пустоту (зияние?) — чем прикрыть? И может той самой верой, что однажды вернётся.

Но вот, куда обычно сворачивает сюжет: к уходу дурачка, если все раскрыли, что он на самом деле не таков, то дурачок обязан уйти. Тогда это путь бесконечного смирения, в чём-то близкий по сказкам о колобке.

В этом же тексте всё пока крутится вокруг того, «дурак или нет», и как правильно назвать, да как правильно отнестись. Текст-задача без решения, к моему сожалению.

[Конкурсное произведение 15. "Остриё"](#)

ЮМ: Я долго думала: почему не нравится этот текст? Даже не так, почему он оставляет равнодушной? Ведь даже если совершить усилие и представить себе, что я вдруг захотела оказаться на позиции женщины прошлого века, которую вот

... да, знаю, что не нравится, если говорить о сути — объективация женщины. Женщина — это не лоск и острота смеха, женщина — субъект. Это не та, что то острит, а то смеётся; и поскольку в тексте явлен «режущий сарказм», то и оргазм — это про него ведь так стыдливо рассказывает субъект, с ножами и прочими острыми предметами? — это видимо то, что произошло после женского сарказма.

Ладно, проговорю очевидную уже вещь: текст оставляет меня равнодушной, потому что я другая женщина, не бёдрами едиными)

А если серьёзно, то текст запутался в событиях языка, которые пытался создать и никакой «перочинный лоск бедра» из этого состояния вывести не способен.

ПК:

Вот и она, та самая москвичка из японского ролика, подsunутого Юле браузером после прочтения первой двадцатки!

Иронико-эротическое стихотворение, ощеренное, по задумке автора, целым арсеналом колюще-режущего оружия.

О горячем, жарком, телесном, плавком — через холодное, стальное, острое. Оптика парадокса, наставленная автором на простой физиологический акт.

Этот приём сразу считывается, с первых строк, и дальнейшее развитие текста сводится

Автор: Субъектив
24.09.2020 06:41

к тому, что автор наращивает его количественно: вот вам к перочинным ножам и бритвам еще глеви, вот катаны, вот лезвие ножа, вот заострённые грани, вот ковкие металлы... Читатель ждет уж перехода количества в качество, но... дожидается лишь двух помарок — грамматической и стилистической, и плюс к ним, надо отдать должное, неплохой финальной строки.

О помарках. Первая — это неверное согласование глагола «стяжал» с существительным «катарсис». Здесь требуется винительный падеж: стяжал (что?) славу, любовь, деньги, богатство, положение, власть. Но не стяжал (чего?) катарсиса.

Вторая — даже не знаю, стилистическая она или всё же скорее логическая. А может, это и вовсе не помарка, а просто у меня самой недостаточно развито воображение, чтобы представить такое:

*Я, словно вздев на лезвие ножа,
Себя нещадно ранил, ранил, ранил.*

Так герой «ранил» в любовной схватке сам себя, или там всё-таки была женщина? Как можно самого себя вздеть на лезвие ножа, к тому же если нож — вполне определённая, в данном контексте, метафора?

Одним словом, тут я предложила бы автору подумать.

[Конкурсное произведение 16. "Ты придумай"](#)

ПК:

Первая половина стихотворения — паучья, вторая — подводная. Вот и думай, как их объединить... Роман паучков на терпящей крушение субмарине?

Больше всего заинтриговал в тексте образ окна. Он появляется два раза, в начале и в конце, и обоих случаях это некое «остранённое», метафизическое окно (не уверена, что слово «метафизика» здесь подходит, но другого не нашлось). В первой строфе это окно «дышит между нами», в последней — из него торчит «нос подлодки». Между этим двумя интересными, многое обещающими окнами раскачиваются паучки (или один паучок — паучок авторского намерения сказать), но это пока только раскачка, прицеливание к «пустоте» — где бы тут зацепиться, чтобы сплести узор?

Самого узора, собственно поэтического высказывания, я пока не могу тут разглядеть. Только могу предчувствовать.

ЮМ:

Такой трепетный и беззащитный текст! В таких стихах, как правило, всегда есть пожелание к самим себе (ой, даже иногда и критика самоё себя, но в этом случае пожелание).

Вот оно: «Прыгай смело сквозь пустоту». Вот и пусть перепрыгивает, обязательно и непременно.

Конкурсное произведение 17. "Клеть и надломленная ветка"

ЮМ:

Чисто по-человечески не могу не посочувствовать, очень искренние интонации, я правда думала, что это женский текст, но в том числе и за то люблю новое время, что мужчинам в этом времени разрешено плакать.

Да, вот так внезапно, не «скупой мужской слезой» и не «из-за невиданной боли», а как плачет человек, когда ему хочется плакать. Я люблю это время за то, что в нём не обязательно напиваться мужчине, чтобы сказать: «мне одиноко». А иначе зачем вообще это время и эти гендерные разговоры нужны, если не затем, чтобы прийти к пониманию, что человеческие эмоции универсальны и не зависят от пола, а что до социального конструкта «гендер», так и ладно с ним.

Спасибо тексту, что дал возможность на своём примере всё это сказать.

Там ниже в обзоре есть вопросы изумлённого Доктора. Задам ему здесь встречный вопрос: а у какого Хлебникова? Речь об Олеге?

И даже отвечу здесь Доктору: не знаю, мне кажется у Олега Хлебникова такой субъект не действует в текстах, но могу ошибаться. (Надеюсь, это не Велимир Вам тут померещился).

ПК:

Ритмический рисунок, дыхание этого «мужского плача», как остроумно определила его коллега, все эти слегка причитающие доверительные модуляции вызывают мгновенную эмпатию, в особенности у «женского читателя». Хочется заслушаться, плениться, поведись.

Но, если всё-таки вестись и влечься на эту плакуче-ивовую дуду, не совсем уж затуманясь глазами, то можно увидеть всякие разные сомнительные места. Бурелом, через который приходится переступать.

Я имею в виду, например, такие моменты:

*Это палка о двух концах,
об иссохших сердцах
и кем-то надломленный ветке.*

Я понимаю, как палка может быть о двух концах (устойчивый фразеологизм), но как палка может быть О сердцах, О ветке — представить это уже труднее. Вы скажете: да ладно, это и есть находка, вот так взять и конструкцию с «палкой О» изобретательно применить!

Ладно, отвечу я. Дальше.

*Корни то в небо, то в землю натянут день (??? как это?)
...и загоняют солнце в дождливую клетку.*

Корни натянут день и загоняют солнце — одной мне этот оборот кажется странным?

На день <...> веет твоим теплом. Прямо как народная примета звучит. Веет на день — шапку надень!

В общем, прелюбопытный текст и в хорошем смысле оригинальный, но есть к нему вопросы, есть. Согласна с Доктором.

Конкурсное произведение 18. "Змеед"

ПК:

«Инкуба обрюхаченной Гекубы, бежал с надеждой я»... У меня к автору текста только один вопрос. Что за зверь такой — инкуба? Или имеется в виду, что его лирический герой бежал ОТ инкуба, потеряв на бегу предлог? В этом случае, пассаж выглядит слишком уж выпенным и архаичным. Бежал дождя, бежал любви...

В первом же случае, если «инкуба обоухаченной Гекубы» есть определение самого героя (как, например, во фразе «Никем не понятой одиночка, слонялся я от души к душе...») — то получается и вовсе смешно... Но не буду развивать, дабы не смущать автора.

ЮМ:

Я очень попробую объяснить, почему такие стихи не только выглядят архаичными, но и не звучат, попробую это сделать через дистанцию.

Давно заметила, что на поэта всегда влияет обстановка, которая всегда связана с языком, крути не крути — а из языковой картины мира не выкрутишься.

Можно научиться грамотно жить в чужой языковой картине мира, да хоть на старославянском писать, но зачем? Какой в этом эстетический жест? Сообщение через невозможность принятия мира и его языковой картины собственной оставленности, попытка перебороть всё и выйти из схватки победителем?

А зачем?

Не отказываю никому в обращении взгляда туда, куда получается, но ведь и я могу туда не смотреть, верно? Зачем это перебарщивание устаревшей лексикой, зачем этот взгляд Бояна? И это всё риторические вопросы, почти как у Доктора, там, в самом конце обзора (а какой там у него вопрос, кстати?) Ой, не тот вопрос, и представлять не нужно, декламатор что угодно продекламирует. Мы же ведём речь о другом, и замечаю я это другое повсеместно: интерес к «иль», «стал жертвою расправы», «промолвил», etc.

Однозначного и ясного ответа не просматривается, увы.

И в какой-то момент поняла, что всё дело в дистанции: с помощью лексики текст держит со мною дистанцию, бесконечно далёкую, чтобы даже не приближалась, а если приблизилась ... гадать не стану, не приблизилась, что греха таить.

[Конкурсное произведение 19. "Папик заводной"](#)

ЮМ:

В общем это, того, мне такой юмор не заходит. И там у текста что-то с ритмической системой нехорошее в первой строке второй строфы.

В смешных и/или смешливых стихах мне нравится, когда смех пополам со слезами, когда очень смешно, а как будто над бездной в ладонях меня пронесли. Увы, не тот случай.

Да и не говорят сейчас так, сама ситуация будто из нулевых. Не моё, в общем, на том и разойдёмся с текстом.

ПК:

Эх... Увидела название — и тут же вспомнила великолепный текст Арсения Журавлёва-Сильянова, где звучит рефреном «Папа танцует» (этот текст вошел в лонг-лист позапрошлого Чемпионата Балтии), и обрадовалась, предвкушая встречу с чем-то подобным, может быть даже — с новым текстом того же автора, решившего развить тему танцующих пап. С замершим сердцем кликнула... И — нет. Не оно... А по данному тексту что могу сказать? Бодренько. Жизнеутверждающе. Здоровья папику, долгих лет, новых клубов и стрипбаров. Так держать, но пасаран!

[Конкурсное произведение 20. "Я и Лев Толстой"](#)

ПК:

Выше я уже говорила о набравшей бешеную популярность форме бубнилки-дуделки-гугнелки-бормоталки, а вот здесь хочу добавить, что не всякий текст с короткой частушечной строкой, деланно простецкой и как бы приглашающей ее скандировать, притоптывая ногой, — не всякий такой текст можно назвать бормоталкой. Высокое звание бормоталки еще заслужить надо! Если бормоталки нет — то ее нет, и даже бледный Лев Толстой с пряными девками не помогут.

ЮМ:

Прямо не Лев Толстой, а дедок-охальник с посконной открытки. И добавить-то нечего!)

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ

проект «Деңиз» "Неоидроу" верос болдунт введет оморат в деңиз, Балтии

Конкурсное производство №015/Формирования

Конкурсное предложение от "Я живу к богу"

Конкурентное преимущество 5. "Неспящий"

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ

Вспомогательная информация: **Добавьте больше примеров в свой словарь.**

Второй вариант - это когда человек не знает, что он болен, и не обращается к врачу. В этом случае болезнь прогрессирует, и человек может умереть. В третьем варианте человек знает, что он болен, но не обращается к врачу, потому что боится. В этом случае болезнь прогрессирует, и человек может умереть. В четвертом варианте человек знает, что он болен, и обращается к врачу. В этом случае болезнь лечится, и человек может выздороветь.

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ